

РАБОТАЛ ГЕРОЙ В КОТЛАСЕ

Наши вятские соседи по праву считают Героя Советского Союза Александра Ивановича Суворова своим земляком, ибо родился он в пос. Пинюг Кировской области 17 октября 1908 года. Но и к нам, котласанам, он имеет прямое отношение: после окончания школы ФЗО А. И. Суворов с 1927-го по 1930 год (до призыва в Красную Армию) работал в паровозном депо Котлас слесарем.

Вся дальнейшая жизнь его связана с военной службой. Окончив в 1933 году Ленинградскую военную школу связи, Суворов проходит службу в различных воинских частях. Затем его направили на курсы политсостава при Московском военно-политическом училище. Вскоре старший политрук А. И. Суворов получил назначение в 6-ю легкую танковую бригаду 1-й армейской группы и

как комиссар танкового батальона участвовал в боях на реке Халхин-Гол.

Здесь в период с 20 по 24 августа 1939 г. в боях танковый экипаж А. И. Суворова уничтожил четыре противотанковых орудия, шесть пулеметов, артиллерийскую батарею противника. 24 августа 1939 г. А. И. Суворов совершил подвиг, за который ему присвоено звание Героя Советского Союза — посмертно.

Возможно, среди котласских железнодорожников есть еще те, кто а молодости знал этого вятского парня? Музей локомотивного депо Котлас с благодарностью принял бы все, что известно об этом отважном человеке.

А. ТРАВНИКОВ.

Член городского совета ветеранов.

ОН РОДОМ С ВЯТКИ

Приказ о наступлении пришел на рассвете. Комбат капитан Копцов сосредоточенно всматривался в предрассветную мглу.

— Александр Иванович, — обратился он к старшему политруку Суворову, — командуйте второй ротой. Ваш фланг — правый. Вот тут следует нанести основной удар, — комбат указал отметку на карте.

Часы показывали четыре утра. А может, это и не утро еще, а ночь? Спать бы еще и сны видеть. Но вот в воздухе пронеслись первые самолеты. Загремела артиллерия. С командного пункта взметнулись сигнальные ракеты.

— Женя, пошли! — командовал Суворов механику-водителю. Грохоча гусеницами по скалистому грунту, танки второй роты двинулись в атаку. Японцы, имевшие вначале на этом участке лишь небольшой заслон, вскоре подтянули не менее батальона пехоты, усилили его полевой артиллерией и противотанковыми пушками. Мелкими группами с криками «Банзай» они часто пытались атаковать передний край, стремясь, видимо, выявить наши основные силы. Но всякий раз возвращались на исходные позиции, как только начиналась прицельная стрельба с нашей стороны.

Впереди японской пехоты шли смертники. При появлении наших танков они ло-

жились на землю, подпускали их поближе, стремясь шестью, подтолкнуть под гусеницы танков заранее разбросанные мины или бутылки с горючей жидкостью.

— Впереди «смертники», — сообщил Лазарев, — их трое!

— Женя, зигзагом иди! Дави самураев. — кричит механику-водителю Суворов; И вдруг сильный удар потряс машину — подбита гусеница.

— Подставь под обстрел лобовую броню, — командовал Суворов.

Ах, как обрадовались японцы. Вот он, грозный русский танк, вертится, подбитый, на одном месте. Сейчас они вытащат из него танкистов...

Но экипаж думал иначе. Обстреляв вначале из пулемета подбегавших к танку японцев и заставив их залечь, Суворов затем из пушки сделал несколько выстрелов по вражеской огневой точке. Но тут начал бить крупнокалиберный японский пулемет. Танк обстреливали со всех сторон. Положение осложнялось еще и тем, что остальные наши машины скрылись из вида, связи не было.

— Ну что ж, друзья, — обратился Суворов к экипажу. — Будем отбиваться сами, пока можем.

Комиссар посвятил экипаж в свой план. Главное — выиграть время, дожидаться темноты, а потом под ее по-

кровом попытаться соединить гусеницу. Иного выхода не было. Потянулись минуты заточения. Горячий мотор распространял духоту, от запаха отработанного горючего першило во рту. Наступила обманчивая тишина — а японцы сновали вокруг и неизвестно, что замышляли.

— Товарищ старший политрук, разрешите открыть люк? — это голос Жени. Лазарева. — Я гранатой сдану.

— Нельзя. Женя, они того и ждут. Перешелкают нас по одному, как цыплят.

Башенный Кривенцев тревожно сообщил: «Японцы траву подожгли, а ветер в нашу сторону. Спалить нас хотят?» Лавина огня, набирая силу, двигалась на танк. Машину охватили длинные языки пламени.

— Никакой паники, — голос Суворова был спокоен. — Оставаться на своих местах, продолжать наблюдение. Мы не поддадимся на их уловку. Они думают, что если мы живы, то непременно откроем люк и вылезем.

А огонь бушевал. Казалось, еще минута — и танк взорвется, но все обошлось благополучно. Суворов понимал, что нужны какие-то действия.

— А что, если японцы окружают еще до наступления полной темноты? — спросил Кривенцев.

— Будем драться до последнего патрона. — отве-

тил Суворов. — Из танка не выйдем. Если им удастся поджечь танк и положение станет безвыходным, подложим под себя ручную гранату... Лишь бы не попасть в плен живыми.

Потом зашел разговор о том, как быть, если не удастся восстановить танк. После обсуждения нескольких вариантов было решено, что Лазарев под покровом ночи проберется к своим и приведет помощь. Солнце уже почти скрылось. Японцы вновь начали подкрадываться к танку. Суворов решил вступить в бой первым, чтобы неожиданным ударом из всех огневых средств нанести им возможно больший урон. Когда японцы подошли ближе, он подал команду: «Огонь!». И сразу ожили орудие и два пулемета. Они несли смерть и сеяли панику в рядах японцев. Оставив у пулемета Кривенцева, Суворов и Лазарев спустились на землю через нижний люк. Наощупь обследовали подбитую гусеницу и убедились, что отремонтировать танк в создавшихся условиях невозможно.

— Не будем терять времени, Женя, местность тебе здесь знакомая, — и Суворов легонько подтолкнул бойца.

...Через два часа рота танков под командованием капитана Копцова подошла к одиноко стоявшему танку. Яркий луч высветил на нем красную звезду и номер 118. Лазарев первым бросился к люку. Он был разворочен. Никто не видел последних часов неравного трагического боя. Но после осмотра местности картина гибели двух танкистов стала ясна. Раненые, они не сдались врагу. Истекая кровью, расстреляли все патроны даже из пистолетов, отважные танкисты подорвали себя гранатами...

На горе Зун Хан, заставившей реку Халхин-Тол свернуть круто в сторону, стоит обелиск. Он сооружен в память о советских воинах, погибших здесь в августе 1939 года. Имена одиннадцати высечены на камне. Среди них и имя старшего политрука Александра Ивановича Суворова

Из газеты
«Кировская правда»
(5.06.71 г.).